

МОТИВЫ ВСЕПРОЩЕНИЯ, СОСТРАДАНИЯ И МИЛОСЕРДИЯ В РАССКАЗАХ А. ПЛАТОНОВА «ВОЗВРАЩЕНИЕ» И М. А. ШОЛОХОВА «СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА»

Л. Г. Сатарова, Н. В. Стюфляева

*Липецкий государственный педагогический университет
имени П. П. Семенова-Тян-Шанского*

Поступила в редакцию 16 сентября 2020 г.

Аннотация: в статье рассмотрены творческие связи между двумя выдающимися рассказами Платонова и Шолохова. Утверждается, что в центре внимания обоих авторов находится образ солдата-победителя, переживающего духовное возрождение после тяжелых испытаний военных лет. В статье выявляется роль парадокса в развитии сюжета, когда именно дети выступают «учителями» взрослых, напоминая им о всепрощении, сострадании и милосердии.

Ключевые слова: война, Победа, возвращение, покаяние, сиротство, семья, отец и сын, парадокс, традиция, христианская любовь.

Abstract: the article examines the creative connections between two outstanding works of Platonov and Sholokhov. It is argued that the focus of both authors is the image of a victorious soldier experiencing a spiritual rebirth after the hardships of the war years. The article reveals the role of paradox in the development of the plot, when it is children who become “teachers” of adults, reminding them of forgiveness, compassion and mercy.

Keywords: war, victory, return, repentance, orphanhood, family, father and son, paradox, tradition, christian love.

Тема возвращения солдата-победителя с фронта долгое время оставалась ведущей в советской литературе послевоенного десятилетия. Одним из первых открыл эту тему рассказ А. Платонова «Семья Ивановых» («Новый мир», 1946 г., № 10–11), позднее он получил название «Возвращение». Многие специалисты по творчеству А. Платонова считают это произведение достойным венцом всей творческой эволюции писателя. Так, В. В. Васильев, давший в 1990-е годы новое прочтение платоновского наследия, вписал его военную проблематику в христианский контекст русской культуры: «Творчество Платонова последних лет, сторонившееся откровенной социологии и политики, восполняло существенный пробел в социалистической культуре, оно возвращало литературу к ее истинной природе — к метафизическим, так сказать, категориям (Бог, душа, любовь, вера, смерть и т.п.), как бы допытным началам в человеке, сокровенным ресурсам его духовного уклада» [1, 16].

Другой исследователь, В. Акимов, цитируя финальный фрагмент «Возвращения», подчеркивает: «Это едва ли не лучшие строки во всей прозе Платонова. К ним он шел долгие годы: в Иванове тоже проснулся, очнулся «сокровенный человек», и сквозь все преграды вышел к миру и людям» [2, 177].

Современная Платонову критика категорическим не приняла рассказ, и он стал последним произведением, опубликованным при жизни автора.

Обращаясь сегодня к той общечеловеческой проблематике, которая составляет суть содержания рассказа, мы замечаем, что он построен на парадоксе, которого советская критика не могла простить писателю. Вечная, онтологически значимая ситуация Отца и Сына, имеющая своим истоком библейский сюжет, перевернута автором рассказа с ног на голову. Не блудный сын, а блудный отец возвращается с фронта в свою семью, к родному очагу. При этом лейтенант Иванов, солдат-победитель, преисполнен гордыни и самовозношения. Четыре года войны приучили человека не только смотреть смерти в лицо, быть мужественным, прекрасным товарищем, воином-героем. Атмосфера тотального нарушения заповеди «не убий» развивает в личности не одни положительные качества, но и некие двойные нравственные стандарты, когда выжившим на войне мирная жизнь представляется полем вседозволенности и возможностью дальнейшего нарушения заповедей, на которых исконно держалась жизнь. Такова история любовной интрижки Иванова и Маши, которая может быть объяснена только скукой ожидания и попыткой испытать «простую подручную радость», так как герою хотелось «погулять еще немного на воле».

«Иванов и Маша чувствовали себя сейчас осиротевшими без армии; однако Иванов не мог долго пребывать в уныло-печальном состоянии; ему казалось, что в такие минуты кто-то издали смеется над ним и бывает счастливым вместо него, а он остается лишь нахмуренным простачком» [3, 458].

Жена Люба радостно и трепетно ждала встречи с мужем, однако Иванов, по замечанию автора, приехал только на шестой день. Платонов развертывает драматическую картину послевоенного отчуждения друг от друга отца, матери и детей. Вступить безболезненно в мирную жизнь оказалось так же непросто, как и шагнуть из мира в войну. Платонов рассматривает параллельные плоскости бытия, которые надламывают человеческие силы. Еще нет даже упоминания о Семене Евсеевиче, а «что-то мешало Иванову чувствовать радость своего возвращения всем сердцем». Это «что-то» — отсутствие любви, прежде всего к самому пострадавшему от войны человеку — его сыну Петру. Сидя всей семьей за первым праздничным послевоенным обедом, Иванов — пока рационально, рассудочно — понял свой долг: Петрушке необходимо вернуть его детство, ведь сейчас он походил на «маленького небогатого, но исправного мужичка». Но может ли семейная гармония держаться только на одном чувстве долга, без любви? Война научила сына Иванова тому, что он по своему не только житейскому, но и нравственному опыту стал богаче и мудрее отца. Детали поведения прямо указывают на робость фронтовика перед своим первенцем: Петрушка не доедает свой пирог, желая, чтобы родителям больше досталось, он собирает «справить» пальто матери, занимается с Настей учебой и пр. Петрушка же и пытается разрешить ситуацию с Семеном Евсеевичем, поскольку отец «по-недоброму» улыбнулся:

«Закрывая вьюшку, он сказал отцу:

— Он старей тебя — Семен Евсеич! Он нам польду приносит, пусть живет...» [3, 467].

Таким образом, можно сделать вывод, что двенадцатилетний ребенок ведет себя в тылу, как солдат в окопе, вынося на своих плечах ответственность за сохранение и жизнь семьи.

Иванов не понимает «чужого» страдания, не понимает своего сына, жену, наконец, Семена Евсеича, который ходил к его детям, чтобы «отогреть» свое сердце: его тоже осиротила война. «Окамененное нечувствие» делает героя равнодушным к чужой боли. «Все это чепуха», — бросает он жене, когда та пытается объяснить ему свою жизнь. В отличие от мужа Любовь признается ему в своем грехе и просит прощения, но Иванов неумолим. И тогда в рассказе возникает следующий парадокс: сын дает отцу несколько уроков нравственности.

Первый урок — всепрощения. Петрушка рассказывает историю об отношениях Харитона и Анюты, которая по всечеловечности и универсальности со-

держания вполне может быть определена как притча. Ее основание — евангельский эпизод с блудницей, уличенной в прелюбодеянии. По законам того времени преступница должна была быть публично побита камнями.

Напомним, что книжники и фарисеи привели женщину к Иисусу, надеясь получить что-либо против Него. Но Иисус молчал и писал перстом на земле. Иудеи спрашивали, что делать, и Христос ответил: кто из вас без греха, первый брось в нее камень. И продолжал писать. Обличаемые совестью, законники стали уходить один за другим, потому что Иисус, когда писал, называл блудные грехи каждого из них. Когда толпа разошлась, Христос и женщина остались одни.

«Иисус, восклонившись и не видя никого, кроме женщины, сказал ей: женщина, где твои обвинители? Никто не осудил тебя?

Она отвечала: никто, Господи. Иисус сказал ей: и Я не осуждаю тебя; иди и впредь не греши» (Ин. 10:11).

В применении к рассказу Платонова этот эпизод является ключевым для понимания глубинного христианского смысла произведения. Писатель подчеркивает абсолютную правдивость изречения: «устах младенца глаголет Истина». После рассказа Петрушки Иванов впервые задумался о собственном грехе и вине:

«Иванов с удивлением слушал историю, что рассказал его Петрушка. «Вот сукин сын какой! — размышлял отец о сыне. — Я думал, он и про мою Машу скажет сейчас...» [3, 476].

Однако время покаяния для героя еще не наступило. Отец уходит из семьи, и его рассуждения продолжают вращаться в том же круге собственного «я», когда расчёт и выгода оказываются сильнее жертвы и признания чужой боли: «Может быть, он и мог бы ее простить, но что это значит? Все равно его сердце ожесточилось против нее, и нет в нем прощения человеку, который целовался и жил с другим, чтобы не так скучно, не в одиночестве проходило время войны и разлуки с мужем» [3, 477].

И тогда Петрушка дает второй урок собственному отцу, совершает подвиг, самоотверженно спасает не только семью, но и, возможно, душу солдата, потому что понятие «сокровенного человека» — это выражение апостола Павла, и оно означает не что иное, как признание человеческой души по природе христианской.

Финал рассказа — гениальная находка великого мастера. Платонов «обуваает» разные ноги Петрушки в валенок и калошу, и от этого его стремление вернуть отца практически превращается в пытку. Как мы помним, Иванову больше нравилась его дочка Настя, и автор мог бы именно ее «обуть» таким образом. Но Иванову дано было почувствовать сострадание и любовь-жалость прежде всего к сыну,

с которым у него возник конфликт, и преодолеть его милосердием.

«Иванов закрыл глаза, не желая видеть и чувствовать боли упавших детей, и сам почувствовал, как жарко у него стало в груди, будто сердце, заключенное и томившееся в нем, билось долго и напрасно всю его жизнь, и лишь теперь оно пробилось на свободу, заполнив все его существо теплом и содроганием. Он узнал вдруг все, что знал прежде, гораздо точнее и действительней. Прежде он чувствовал жизнь через преграду самолюбия и собственного интереса, а теперь внезапно коснулся ее обнажившимся сердцем» [3, 478].

Вариациями на библейские темы пронизан и рассказ М. А. Шолохова «Судьба человека». Он появился десятилетием позже (1956 г.), но его духовно-нравственная проблематика ощутимо коррелирует с рассказом Платонова. Шолохов и Платонов по жизни были друзьями, и, разумеется, неслучайно, что и имя главного героя — Андрей, и его малая Родина — Воронежская губерния — соотносятся автором с судьбой его друга.

Шолоховеды неоднократно подчеркивали и то широчайшее обобщение проблемы «человека на войне», которое имеет своим истоком жизнь библейского Иова. Страдания и потери Соколова, действительно, беспрецедентны для того литературного контекста, который сложился в послевоенные годы. М. А. Шолохов первым рассказал историю о бывшем военнопленном, которого терзали не только мучения от немцев, но и потеря всех близких, полное одиночество после Победы. Герой задается вопросом: «За что же ты, жизнь, меня так покалечила? За что так исказила?» [4, 12].

Параллели в рассказах Платонова и Шолохова определяются общностью темы семьи, отца и сына. При этом сюжетный стержень наполняется духовно-нравственными мотивами вины, покаяния, страдания, милосердия, всепрощения. Более того, на наш взгляд, М. А. Шолохов развивает, если можно так выразиться, эстетику парадокса, которая преобладает в рассказе Платонова.

Уже первый момент исповеди Соколова парадоксален: «Поначалу жизнь моя была обыкновенная... В голодный двадцать второй год подался на Кубань, ишачить на кулаков, потому и уцелел. А отец с матерью и сестренкой дома померли от голода. Остался один. Родни — хоть шаром покати, — нигде, никого, ни одной души» [4, 13].

Зададимся вопросом: если в стране свирепствовал голод, унесший огромное количество жизней, можно ли назвать судьбу человека, пережившего такой удар, обыкновенной? Налицо парадокс: в годы советской власти трагические обстоятельства, разрушавшие народную жизнь, осознавались и становились «нормой», обыденностью. Сироткой оказалась и жена Андрея, которая с детства узнала, почему фунт лиха.

Здесь необыкновенно и удивительно то, что Ирина не ожесточилась и не обособилась: «Смирная, веселая, угодливая и умница, не мне чета» [4, 13]. Даже Солженицын назвал героиню «христианкой в духе Достоевского». Деятельная любовь-жалость Ирины спасает семью так же, как и самоотверженность Петрушки в рассказе Платонова.

Следующий кадр воспоминаний — прощение Андрея Соколова с семьей перед уходом на фронт. Соколов жалеет не помнящую себя от горя жену, но не понимает глубины ее переживаний, которая выразилась в пророчестве: «Родненький мой... Андрюша... не увидимся... мы с тобою... больше... на этом... свете...» [4, 18].

Парадокс прощения заключается в том, что героя «зло взяло»: «Что ты меня раньше времени заживо хоронишь?!» [4, 18]. Но Ирина прощается с ним навсегда, потому что война убьет именно ее и детей, ее предчувствие оправдывается. Соколов выжил, а семья погибла. Чувство вины и раскаяния терзает героя, он жаждет искупления:

«До самой смерти, до последнего часа, помирать буду, а не прощу себе, что тогда ее оттолкнул!» [4, 19].

Так возникает в рассказе один из основных движущих мотивов его сюжета — понятие греха и прощения, покаяния, которые пройдут через всю судьбу героя и разрешатся только в усыновлении им ребенка-сироты.

Эпизод в церкви вводит в повествование важнейшую тему веры. Гибнет солдат-христианин, не осквернивший храма и получивший венец мученичества. Поверженное распятие, разрушенная церковь без купола соседствуют с грехом Иуды-предателя, который хотел выдать врагам своего командира. Крупным планом подает автор идею возмездия: Соколов убивает его, спасая жизнь другого человека. И в этом фрагменте сочетаются антиномичные планы бытия: убийство происходит в храме, что не может пройти бесследно для души человека:

«До того мне стало нехорошо после этого, и страшно захотелось руки помыть, будто я не человека, а какого-то гада ползучего душил... Первый раз в жизни убил, и то своего... Да какой же он свой? Он же хуже чужого, предатель» [4, 30].

Грех Иуды повторяется и в плену, когда кто-то из своих донес немцам на Соколова. Эпизод с Мюллером — композиционный центр рассказа, его «энергетический узел» — тоже пронизан поэтикой парадокса. Андрей Соколов приготовился к своей смерти: пощады от «сверхчеловеков» ждать не приходилось.

«Иду по лагерному двору, на звезды поглядываю, прощаюсь и с ними...» [4, 36].

Два мира, несовместимых между собою, Россия и Запад, сталкиваются в этом поединке: торжествующие немцы, уверенные в близком триумфе, и лагерный номер, пленник, русский солдат, который бросил им вызов и духовно победил.

Ценой величайших страданий Соколов выжил на войне. Однако возвращение в мирную жизнь оказалось еще более тяжелым испытанием. «Все отняла у него, все порушила безжалостная смерть. Остались только дети», — так писал автор «Тихого Дона» о трагедии Мелехова, героя, который по своей трагической судьбе, как и Андрей Соколов, может быть уподоблен многострадальному Иову. В рассказе Платонова судьба оказалась более благосклонна к Иванову: ему оставлена его семья. Проявляя «окамененное нечувствие», герой сам решает отказаться от нее. В рассказе «Судьба человека» трагедия одиночества усилена: сын погибнет на войне с первыми залпами Победы. И если Иванов, бросая семью, мечтает о Маше, то Соколову и в голову не приходит мысль искать себе другую жену.

И в этом пункте Шолохов, как и Платонов, тоже встретил непонимание критики, причем как советской, так и зарубежной. Первые упрекали автора в пессимизме: финал рассказа выиграл бы, если бы герой снова женился, построил дом, появились бы дети и т.п. Вторые считали, что Шолохов не написал полной правды о судьбе бывшего военнопленного, которого ждал советский концлагерь. Но произведение — это не хроника и не документальное свидетельство. Финал «Судьбы человека» разрешается в русле законов художественного мира, который был создан Шолоховым еще в 1920-е годы, когда ситуация отца и сына постоянно находилась в центре внимания писателя. В этом плане рассказ «Чужая кровь» наиболее соотносим с «Судьбой человека». Чужой сын, продкомиссар Петр, становится для деда Гаврилы и его жены дороже и ближе, чем погибший родной. В финале «Тихого Дона» именно Мишатка является последней надеждой Мелехова, которая примиряет его с «холодным» миром. Для автора и героев нет принципиальной разницы между своим и чужим ребенком, это все наши дети, наш народ, который, как никакой другой, нуждается в сострадании и милосердии, ведь у Андрея Соколова нет даже родных могил, а своего старшего сына Анатолия он похоронил в чужой немецкой земле.

Обретение сына Ванюшки, их объятия, единение как бы снимают вину с Соколова за то, что он когда-то оттолкнул Ирину.

Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тянь-Шанского

Сатарова Л. Г., доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы

Стюфляева Н. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы

E-mail: stuf77@mail.ru

«Закипела тут во мне горячая слеза, и сразу я решил: «Не бывать тому, чтобы нам порознь пропадать! Возьму его к себе в дети». И сразу у меня на душе стало легко и как-то светло. Наклонился я к нему, тихонько спрашиваю: «Ванюшка, а ты знаешь, кто я такой?» Он и спросил, как выдохнул: «Кто?» Я ему и говорю так же тихо: «Я — твой отец» [4, 52].

Жизнь для другого, тем более для беспомощного и беззащитного ребенка, придает человеку истинный смысл существования. И Платонов, и Шолохов в своих рассказах наследуют и развивают идеи русской классической литературы, особенно творчества Достоевского. Безвинно страдающее дитя у него способно пробудить жалость даже у злодеев. Здесь кроется великая христианская заповедь о том, как можно уже на земле обрести рай: «Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18:3). И Иванов, и Соколов переживают духовное возрождение именно от соприкосновения с душой ребенка. У детей — чистота и отсутствие самолюбия, у них нет разницы между жизнью внутренней и внешними проявлениями. Дети дают взрослым уроки смирения, выступая органичными миссионерами. В мире, разъединенном гордыней и враждой, дети выступают скрепляющей силой, напоминающей о кроткой, всепрощающей любви Христа.

Непреодолимое значение лучших творений Платонова и Шолохова состоит в том, что они сумели донести эту идею христианской любви до читателей в безбожном, богоборческом мире, подарив тем самым надежду на преодоление отчаяния, уныния и бессмыслицы человеческого бытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев В. В. А. П. Платонов (1899–1951): Проблемы творческой эволюции: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. В. Васильев. — М., 1993.

2. Акимов В. На ветрах времени / В. Акимов. — Л.: Детская литература, 1991.

3. Платонов А. Повести и рассказы / А. Платонов. — Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1969.

4. Шолохов М. А. Судьба человека / М. А. Шолохов. — М.: Детская литература, 1969.

Lipetsk State Pedagogical University named after P. Semenov-Tyan-Shansky

Satarova L. G., Doctor of Philology, Professor of the Russian Language and Literature Department

Styuflyayeva N. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language and Literature Department

E-mail: stuf77@mail.ru